

ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ, ЗАМЕТКИ (с рабочего стола социолога)

© 1993 г.

А.Э. МУРЗИН

АКТУАЛЬНО ЛИ ИЗУЧАТЬ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ?

МУРЗИН Андрей Эдуардович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории и теории культуры Уральского государственного университета, В журнале «Социологические исследования» публикуется впервые.

В отличие от других разделов социологии, затронутых бурными процессами обновления, изучение свободного времени является одной из тех редких исследовательских проблематик, подходы к которой, на первый взгляд, вряд ли могут нуждаться в принципиальном пересмотре. Кроме того, многочисленные эмпирические исследования накопили в последние десятилетия такой обширный объем информации о ее фактическом состоянии, что возникло даже впечатление исчерпанности темы. Видимо, можно надеяться на формирующиеся сейчас экономические и социальные условия, которые вдохнут в нее новую жизнь.

Но есть приметы и другого рода. Исследование в этой области утратило свою актуальность не просто потому, что изучать и описывать в настоящий момент структуру досуга населения все равно, что «на желудок петь голодный». На деле это еще и выражение смутно осознаваемого и неподвергшегося пока рефлексии ощущения того, что сам исследовательский предмет будто бы теряет свои привычные, ясные очертания, растворяется, ускользает от фиксации. Границы его стали зыбкими, критерии выделения — нечеткими. Как, например, определить свободное время надомника, владельца частного предприятия, безработного, фермера или человека, живущего на дивиденды?

Хотя всё это, естественно, порождается тем общим переходным положением, которое переживает страна, реальная ситуация сложнее. Незамеченным остается, что в ходе расширения либерализации хозяйствования, углубления социальной поляризации, преодоления тотальной социализированности людей, нарастания многообразия индивидуальных моделей жизненстроения само понятие «свободное время» теряет свое былое монолитное значение. Обнажена при этом оказывается тесная связь существовавшей системы дифференциации социального времени (закрепившаяся и в общественном сознании, и в науке) с социально-экономическим устройством. В этой системе были отражены представления, с одной стороны, о перспективах общества и механизмах его функционирования, а, с другой, — о реальном месте в нем индивида и фактически достигнутом уровне общественно-экономического прогресса.

За основу в любой классификации фрагментов социального времени принималось выделение той его части, которую каждый человек должен был отдать общественному производству, представлявшему собой основную сферу приложения жизненных и творческих сил, сферу реализации главной цели и смысла существования. Соответственно все остальное время наделялось только вспомогательными функциями и не обладало самостоятельным статусом (как не обладала им взятая отдельно от государства личность).

Исследования социального времени с 20-х годов в стране носили преимущественно экономический характер, а вне рабочее и свободное время изучались как важнейшие аспекты производственного развития. В 60-е годы определенный импульс получили социологические методы, которые должны были преодолеть ограниченность прежнего подхода. В число злободневных выдвинулась задача изучения воздействия свободного времени на всестороннее

совершенствование личности. Но уже сам этот, подход лелеял в виде исходной посылки идею о том, что свободное время человека (как фрагмент вне рабочего) имеет разумное основание настолько, насколько отдельные интересы совпадают с интересами общества (в прежнем одностороннем их понимании). В середине 80-х исследовательская задача в данном ключе «уточнена» и прямо поставлена как проблема осмысления «человеческого фактора». Робкие попытки, предпринятые в рамках системного анализа, рассмотреть роль и место свободного времени в сложившемся образе жизни свелись к констатации того, что досуг может либо гармонизировать с трудовой деятельностью, дополнять ее, либо противостоять ей, выполняя компенсаторные функции. Последнее словно бы подчеркивало его способность вносить в индивидуальное бытие оттенки глубоко личностного содержания. Тем самым было указано на новое перспективное направление изысканий, на практике, однако, не выведшее их на иную качественную ступень. Основную причину здесь можно видеть в наметившемся противоречии исследовательской установки тенденциям наращивания материальных элементов индустриальных производительных сил. Воспроизводство же трудоспособных кадров представало лишь как момент воспроизводства общественного капитала, чему соответствовало жесткое ограничение фонда заработной платы, уровня доходов и потребления. Утвердился пресловутый «остаточный» принцип поддержания социальной сферы.

В теории, выступавшей методологическим фундаментом прикладных исследований, такое положение проявило себя в том, что свободное время продолжало рассматриваться исключительно как категория макроуровня, сопоставимая по своей абстрактности с понятиями «общество», «производство», «население». Признавалось, что как составная часть жизни реального индивида оно вмещает в себя весь спектр жизненных проявлений (в том числе асоциальные и откровенно антиобщественные случаи поведения), но как научная категория должно охватывать только те стороны явления, которые соответствуют общественным идеалам. Словом, принятая концепция пыталась ответить на потребность в способах регламентации слабоформализованной области досуга, нуждавшейся в постоянном внимании со стороны государства.

В поисках выхода из этой ситуации постепенно стала вырисовываться другая методологическая позиция, сторонники которой стремились раскрыть саму социальную сущность свободного времени. Намерение обосновать его как пространство «самоценной» деятельности, деятельности «по собственному усмотрению» было направлено на то, чтобы подчеркнуть свободосообразность человеческого поведения в качестве отличительного признака. Причем исследователи пришли к выводу о неравноценной значимости одних и тех же действий у разных людей, групп и социальных слоев. Соотнесение со свободным временем того или иного занятия (и определение такового в качестве «свободного» среди «непреложных» занятий в общем массиве вне рабочего времени) непосредственно связывалось с личностными установками и ориентациями, с нормами и ценностями социального окружения.

Принципиально важно, что в изучении проблематики открывалась возможность постижения субъективных, социально-психологических мотивов. Свободное время как бы «индивидуализировалось», превращаясь в категорию, отражающую жизнь общества через характеристику отношения человека к действительности, к социальной среде. Для социологического исследования особое звучание приобретало то обстоятельство, что нормы и требования, определяющие свободную самоцельную деятельность, представляют собой объективные исторические и социальные образования, не сводимые к свойствам индивидуального психологического склада.

Несмотря на это, дальнейшее развитие данной методологической позиции увело от заявленного подхода к изучению свободного времени как проблемы свободной деятельности. Статус «самоценного», которым наделялось свободное время личности, подводил к необходимости анализа и любого другого прожитого ею временного отрезка с точки зрения его ценности. Но признание индивидуальной свободы (даже в узколичностном мире), чтобы не остаться декларативным требовало признания за человеком права оставаться частным лицом в отношениях с государством, предполагало известную «реабилитацию» личного жизненного мира. В духовной атмосфере страны издавна культивировалось презрительное восприятие частной жизни как обязательно мещанской, пошлой, почти карикатурной.

Увы, идеологическое воздействие легче распознается в своих внешних формах, чем тогда, когда проявляется в уже сложившихся психологических стереотипах, неосознаваемой

нормативности мышления. Об этом лишний раз свидетельствует обратная трансформация плодотворных методологических идей осмысления свободного времени как свободной деятельности в описание его как сферы исключительно досуговой. Поэтому все вновь оказалось ограничено обоснованием важности организации отдыха людей и т.п. Предмет, проблемное исследовательское поле по существу остались неизменными, соответственно сохранились в прежнем состоянии методология и методика эмпирических работ.

Односторонность исследовательских установок, препятствующих раскрытию подлинной сущности изучаемого объекта, явственно обнаруживается при сопоставлении распространенных, подходов к определению свободного времени как совокупности конкретных видов деятельности, направленных на восстановление физических сил и развитие способностей индивида, и определению его как свободной, самоцельной деятельности. Оба этих определения не только проведены по разным основаниям и уровням, но отражают, хотя и связанные между собой, однако различные стороны явления.

Свободное время имеет многоуровневую детерминированность, конкретной общественной и культурной средой. В его функциональном определении как раз и фиксируется проявление социальной знаковости, семантического смысла, выступающих в виде регламентирующих свободное время норм и установок, идеальной (нормативной) иерархии деятельностных видов, свойственных данной общности. Другое дело, что нельзя абсолютизировать устойчивость строения свободного времени, все еще недостаточно формализованного. Это, в свою очередь, предполагает наличие осознанного отношения к существующим нормам и ценностям, реализующегося в личном выборе того или иного рода занятий. Вот почему важной представляется самоидентификация индивида с социальными функциями свободного времени.-

В этой ситуации следует, очевидно, поставить вопрос о противоречивости самой природы свободного времени, амбивалентность которого обусловлена тем, что оно, с одной стороны, выступает как явление, детерминированное обществом и обладающее известной нормативностью, но, с другой, — оставляет индивиду возможность выбора. Иными словами, выражает диалектику свободы и относительной необходимости, устойчивости и изменчивости. Противоречивость, присущая природе свободного времени, раскрывает себя и в том, что конкретный способ, посредством которого оно осваивается, характеризует тип взаимоотношений личности и общества. Именно в этом пункте противоречие между эмпирически добытыми результатами и теорией приобрело в 70—80-е годы особенно острую форму.

Теория настаивала на использовании свободного времени в целях гармоничного развития человека и не хотела замечать масштабов, которые приняли ассоциальные формы его освоения. Главное внимание акцентировалось на поощрении активных видов отдыха, тогда как «ничего неделание» все больше превращалось в атрибут индивидуальной свободы в противовес несвободному труду и всем прочим проявлениям общественной активности. Теория отшлифовывала классификацию форм досуга и «возвышенной деятельности», а результаты эмпирических исследований заставляли говорить о том, что по сути в досуговую сферу оказалась вытолкнутой реализация важнейших социальных потребностей людей, не находящих выхода в других областях жизнедеятельности. Неслучайно взгляд на свободное время как источник, питающий жизненные кондиции работника, необходимые для возобновления производственного процесса, все чаще противоречил тенденции возрастания самостоятельного, порою исключительного, значения отдыха для индивида.

Отметим, что попытки понять природу свободного времени игнорировали исторический генезис структуры социального времени в целом как общественного бытия. Ведь для доиндустриального периода характерно было деление не на рабочее и свободное время в рамках одного дня, а на будни и праздники в течение всего года. Кстати, в жизнь российского села понятие о регулярном досуге стало активно внедряться только 30—40 лет назад. Хотя нет сомнения, что потребность в ежедневном восстановлении физических сил труженика была актуальна и до этого. С чем связана тенденция неуклонного возрастания роли свободного времени? По данным социологических исследований свыше 80 % молодежи оценивают

важность своего труда и досуга как равнозначную или даже отдают приоритет последнему. Это совпадает с тем, что наблюдается и на Западе, где давно уже дискутируется вопрос о возникновении «цивилизации досуга», где люди готовы идти на сокращение производства, сознательно ограничивать свои материальные потребности во имя высвобождения большего объема личного досугового времени. На нынешнем этапе даже в наиболее развитых странах не удается преодолеть узкой специализации трудовой занятости основной, массы работников. Производственная рационализация на основе наукоемких технологий обернулась дальнейшим утверждением примата прагматически-утилитарного, технократического начала над Духовными и душевными аспектами человеческой жизни. При этом урбанизированная среда не создает полноценной, возможности для обретения человеком себя и вне производства, требуя для этого приложения сверхусилий. Желание вырваться из этого порочного круга вдохновляет массовые экологические движения «зеленых», заставляет искать пути, ведущие к формированию альтернативных способов существования.

Специфика нашего положения сводится не к одному лишь незавидному экономическому состоянию страны. Стремление оторваться от тоталитарного прошлого связано с едва начавшимся у нас процессом определения статуса личности — и в социально-психологическом, и в культурном, и в правовом отношениях. Это вообще составляет одну из центральных проблем исторического пути России. В такой обстановке свободное время выступает как средство не только восстановления физических сил, но и раскрытия духовных потенций, выполняя функцию поддержания целостности личности во всем многообразии ее свойств и способностей, создавая условия для осуществления ею внутренней самотождественности. Свободным в этом' плане оказывается время тех или иных состояний человеческого бытия, не обязательно обладающих деятельными определениями, но в которых человек сознательно выявляет смысл и духовную цель своего пребывания на земле, воплощает мир своей личной определенности. Именно область свободного времени служит сегодня полем аккумуляции «личностного начала» нашей культуры и, одновременно, индикатором его развития, самоутверждения. Речь, таким образом, идет о проявлении экологического аспекта свободного времени в сохранении и утверждении индивидуальности, что неразрывно связывается личностью с непосредственным переживанием жизненного предназначения, отношением к своему месту и роли в обществе, дающих индивиду силы не только следовать установкам социальной среды, но и противостоять неблагоприятным обстоятельствам,

Такое «экзистенциальное» воззрение на природу свободного времени выводит его изучение далеко за пределы досуговой проблематики, сближая более с социологией личности, отчего и воспринимается весьма перспективным исследовательским направлением. Действительно, очертания свободного времени в пору перехода к рыночной экономике все определенной обнаруживают себя как грани жизненного мира личности, а не жесткие пределы, устанавливаемые государством для всего населения. Разнообразие способов организации, распределения и использования временного бюджета попадает в зависимость от источников дохода и каналов их получения индивидом, разумеется, в сочетании с ценностными установками и жизненными планами. Понятие свободного времени, обозначающее область жизни общества и имеющее конкретное основание в противопоставлении сфере государственно-организованного всеобщего труда (обладающее или претендующее на обладание единой универсальной значимости для представителей всех социальных групп и слоев), в известном смысле начинает выхолащиваться. Его содержательное раскрытие сразу же влечет за собой необходимость выделения вариантов применительно к людям, занятым в государственном и частном секторах экономики, и социальным группам, которые они образуют.

Признание приоритетности интересов личности, экзистенциальная сущность которой несводима к многообразию форм ее проявлений, означает, что формируется иная парадигма видения социальной реальности, предполагающая смену подходов к изучению традиционных объектов. Коренное изменение должна претерпеть методология исследования и социального времени. Почему же в этом разделе социологии не происходит ныне решительного поворота к

новой проблематике, новым методам изучения? Почему не заметно здесь явных обновленческих признаков?

Осмысление природы свободного времени в историческом разрезе предстает во многом как проблема способности исследователя к самопреодолению сложившихся стереотипов и установок, к постоянному углублению непредвзятого понимания действительности. Оттого процесс обновления социологического мышления носит отнюдь не умозрительный, умопостигаемый характер. «Личностный аспект» этого процесса, когда он становится предметом индивидуальной рефлексии, проявляется в болезненном отказе от принятой теории как части мировосприятия самим исследователем. Это требует пересмотра не только его ценностных ориентации, но и жизненного опыта. Но именно эта работа составляет основу формирования новой исследовательской парадигмы.